

ПО ВЕЧЕРАМ, чаще всего по праздникам, в зашей квартире появляются — естественно, на экране телевизора — две симпатичные старушки. Помните:

— Все меня спрашивают: как мы познакомились?
— Что мы сделали?
— Как мы познакомились.

— О!.. хо-хо-хо-хо... Это так интригующе! Так интригующе!

— А ты помнишь?
— Естественно. Я была в Берлине, а он в крипплене, то есть наоборот — я была в крипплене, а он в Берлине: он был в форме, а я на платформе.

— Подожди. Куды тебя понесло?

Впрочем, стоп! Оставим Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну, а обратимся к Борису Владимирову и Вадиму Тонкову с тем, чтобы побольше узнать об их героях и их самих.

— Итак, где же все-таки вы познакомились?

ВАДИМ: На полном серьезе?

— Да.

БОРИС: С Вадимом я уже знаком тридцать с лишним лет. А встретились мы в детской театральной студии института художественного воспитания детей в пьесе Маршак «Двенадцать месяцев». Вадим играл Апрель, а я — начальника королевской стражи. Потом детство кончилось, мы просто дружили, играли в футбол и занимались делами, не имеющими абсолютно никакого отношения к театру. Но в один прекрасный, как говорится, день совершенно неожиданно поступили на один курс (причем, сразу на второй) театрального института — ГИТИСа. Попали мы к Ольге Ивановне Пыжовой, которая, как вы помните, играла Огудалозу в фильме «Бесприданница». Почему неожиданно? Слишком большим оказался отсев абитуриентов — и мы, право, на такую удачу не рассчитывали. Вскоре я перешел на режиссерский факультет, Вадим же остался на актерском.

ВАДИМ: Потом наши дорожки еще больше разошлись. После окончания ГИТИСа я служил в армии, руководил ансамблем. Борис же в это время увлекся эстрадой, он уже был знаком с Мировым, выступал в одной с ним концертной программе. Так что, когда я вернулся в Москву, он меня в эстраду и заманил.

— Как же родились ваши маски?

«ЕСЛИ ВЫ

БОРИС: Моя старуха появилась очень давно. Авдотья Никитична еще в 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве покорила и южн, и зрителя. Тогда за монологом «Авдотья Никитична на футболе» я и получил звание лауреата. А вот Веронику Маврикиевну родилась значительно позже. Вадим сделал этот образ не только из анекдотов, он жизнен.

ВАДИМ: Вероника Маврикиевна — наивный, но очень добрый человек, в котором как бы переплелись две эпохи.

БОРИС: Вначале обе эти старушки существовали сами по себе. Диалоги у них были совершенно несложные. И вот, всего четыре года назад, в январе, в телевизионной передаче «Терем-теремок» впервые встретились Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна. В необходимости этой встречи нас убедил режиссер передачи Александр Ширвиндт.

Тогда он увидел в соединении образов двух старух творческую перспективу. И оказался прав. Дебют был успешен. Так вот и встретились Авдотья Никитична с Вероникой Маврикиевной. Две женщины. Одна из простолюдинок, сегодняшняя, жизненная, знающая все проблемы. Другая — «девушка», мы так ее и называем, возраст которой еще витает в облаках.

— Вы стали всеобщими любимцами или любимицами, как уж позволите, и поэтому небезынтересен ваш взгляд на природу вашего юмора.

ВАДИМ: Мы добиваемся того, чтобы в наших интермедиях присутствовал не только юмор, но и сатира, чтобы в каждой шутке была доля правды, острая сатирическая направленность. А для этой цели мы и избрали не известный эзоповский язык — басенный прием, а довольно редкую форму маразма. Нам хотелось, чтобы эта форма превратилась и в сатиру, и в юмор. Насколько это удалось — судить вам.

В общности двух старух лежат разные социальные типы. Мы уже говорили об этом. Но, тем не менее, они — подруги. Что их объеди-

няет? Общий двор, скамейка. Их разговор — всегда конфликт на почве непонимания. И нам хотелось, чтобы непонимание это было не столько словесным или дикционным, сколько социальным непониманием. Вот пошла нашего юмора. Послушайте!

— Бокс — красочное зрелище. Красочное. Нос красный, под глазами — синее, волосы — черные, тапочки — белые. Чтоб потом не переодеваться, в крайнем случае.

— В каком случае?

— Ну в том, когда секунданты выбрасывают полотенце, а боксеры перестают драться.

— А я видела все как раз

ше сатиры. Побольше и поярче.

ВАДИМ: И еще вот что. Когда мы начинали работать над диалогом этих двух старух, мы боялись одного: а вдруг образы не дойдут до зрителя. Для нас важно было, чтобы молодежь не смеялась над старостью. Чтобы те, кто сидит в зале, не сказали своим отцам, бабушкам и дедушкам: «Что ты, как Маврикиевна»... И мы однажды услышали эту фразу. В метро. Но относилась она не к пожилому человеку, — юноша говорил своему сверстнику. И стало сразу легко и весело. Значит, поняли. Правильно поняли. Молодежь смеется не над старостью, а над собой. Над неуклюжестью и невосприимчивостью.

БОРИС: Мы ведь часто не слушаем друг друга, не воспринимаем, обижаясь друг на друга, когда не сле-

на брют. Полотенца выбросили — бой только и начался.

— Где ж ты видела, в своей спортивной секции?

— Нет, я видела в галатерейной секции. В универ-

ситете обижаться. И это свойственно всем — и молодым, и пожилым. А может, даже молодым в большей степени. И отношения Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны могут служить

ТОГО ПОЖЕЛАЕТЕ...»

маге. Когда полотенца выбросили, там такое началось! Такое началось! Эти боксеры так друг друга били, друг друга волтузчили...

— Почему ты решила, что они боксеры?

— Ну как почему? Потому что они вначале бились за махровыми халатами, потом за перчатками. А когда полотенца выбросили, там такое началось! Такое началось!

Вот пример перехода от юмора непонимания к жизненным проблемам. В данном случае упор на дефицит.

БОРИС: Ну и дальше: — Маврикиевна, ну что ты говоришь? При чем здесь бокс? У них там совсем другое.

— А что другое?

— У них там никакого бокса нет. Это в магазине конец месяца. Когда все товары выбрасывают — все это и начинается.

Вот так работает форма на зрителя. Открыто, до не в лоб. Когда мы выступали на ростовских предприятиях, к нам очень часто обращались. Пусть, говорят, в ваших репризах будет побольше

того, что мы очень любим и с которым дружим, сделал нас точную пародию. Побольше бы таких текстов.

— Так что с масками эти ми расставаться вы не собираетесь?

ВАДИМ: Нет. Что же касается наших творческих планов, то сейчас особенно нас волнуют две темы. Первая — отношение к окружающей природе. Человек и природа. Вторая — наиболее сложная. О войне с фашизмом, тридцать лет и Победы над которым мы в этом году отмечаем. Весь вопрос, как решить эту тему. Как языком юмора рассказать о героике борьбы наших солдат на фронтах Великой Отечественной? Скажу прямо: очень мешают маски, не поддаются. Нужна ломка образа, чтобы поднять гражданственность этой темы. Но, тем не менее, кое-что удастся. Что поделаешь, образ тоже переживает трагедию. А вдохновляет нас прекрасный пример Твардовского — его всемирно известный Теркин.

— Как вы считаете, наши ли вы свое призвание именно в сатире или же?..

ВАДИМ: Я лично не сомневаюсь, что да. А Борис?

БОРИС: Я тоже. Актер все же из меня лучший получился, я так думаю, чем режиссер. А потом... Видите ли, широкая аудитория судит о нас по нашим старухам. А ведь у нас масса интермедий, которые мы исполняем в сольных концертах. Есть целый спектакль по повести американского писателя — фантаста — Роберта Шеэли «Ордер на убийство». Часовая одноактная пьеса...

ВАДИМ: Где у Бориса шесть ролей, у меня — две. О том, насколько нам она удалась, можно судить по аплодисментам на худсовете.

Здесь крайне обязательно своя манера исполнения, не похожая ни на что. Здесь своя специфика. Мы, скажем, выходим. Оп! Вот он, микрофон. И поехали. Вы видели, как реагирует зритель, когда на глазах у него надеваем платок, очки. Мгновенное перевозождение. И часто спрашивают: что там у Бориса Павловича — вставная челюсть? Видят, что нет, а не верят.

— Мы часто слышим о мужестве солдата, о мужестве спортсмена, а что вы скажете о мужестве актера?

БОРИС: Не скрою, бывает трудно. Особенно, когда выступаешь перед огромной аудиторией, во дворцах спорта, например. Не видно многим твоего лица, глаз, а, значит, и мимики, что одно из главных в нашем дзюте. Только голос и текст. Вот тогда выкладываешься весь и думаешь: ну поймите же...

ВАДИМ: В этих случаях мы внутренне заручаемся поддержкой своих старых друзей, с которыми встречались в гостевых поездках. По природе мы романтики. Еще в юности дали зарок объездить всю страну. И объездили. Давали концерты там, где до этого не ступала нога актера. Были даже на Северном полюсе, выступали в шахтах метрополитана — вы представляете Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну в касках? Встречались с капитанами лодок, совершивших под водой кругосветку, встречались с космонавтами, играли под проливным дождем, играли потому, что не захотел уходить зритель. Вот все эти люди, может, и подарили нам частицу своего добра, фанатизма и мужества.

Вел интервью Ю. ФИЛИПОВ.

На снимках: сверху — как вы думаете, о чем говорят Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична?

А так ищут Борис Владимиров и Вадим Тонков сю-

жеты для своих интермедий.

Внизу — Вадим Тонков в кругу бойцов СКВО перед концертом.

Фото А. Шарафедина.